

Ольга Ильинична Новикова

Каждый убивал

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8109461
Каждый убивал: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086125-5

Аннотация

Не спеши озвучивать желания – вдруг сбудутся. Или судьба подбросит тебе джинна, не привыкшего задумываться...

Тебя закрутит водоворот ненависти, злобы, зависти. А ты ни сном ни духом... Сам-то ты человек замечательный. Просто сгоряча, от горя и одиночества ты пожелал кому-то смерти...

Каждый «убивал»... словами...

Содержание

1. Вероника	4
2. Анжела	8
3. Ада	11
4. Анжела	13
5. Глеб	18
6. Анжела	20
7. Глеб	21
8. Анжела	23
9. Ада	27
10. Глеб	28
11. Анжела	33
12. Ада	34
13. Анжела	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Ильинична Новикова

Каждый убивал

1. Вероника

Сегодня! Се-го-дня!

Никю будит малиновый звон долгожданного, вымоленного слова-события. Упругая волна возникает внутри тела и, лаская каждую клетку организма, доходит до сознания. Скорее начать жить!

Се-го-дня! Сегодня вечером Олег придет, чтобы остаться. Поужинает, наденет новую пижаму его любимого алого цвета – он же мерзляк, – ляжет сюда, рядом... Олег, красно – солнышко...

С открытыми глазами Ника придвигается к стене, освобождая место для него, для будущего мужа, натягивает пуховое одеяло до подбородка, чтобы гимн, который выстукивает ее счастливое сердце, нечаянно не разбудил Уляшу: детская кроватка рядом, вплотную к изголовью взрослой постели. За широко расставленными прутьями дочка как на ладони – спит и улыбается: чуткая, чувствует мамино ликование.

Набухшая железа заныла... Правая ладонь тянется к груди и массирует тугой шар. На ночной рубашке проступает мокрое белесое пятно. Холодит.

Скинув шелковую одежду, Ника на цыпочках бежит в ванную и там – почти на автопилоте – по ежеутреннему маршруту: унитаза, биде, умывание...

Окончательно просыпается она, встретившись взглядом с физиономией, которая улыбается ей из зеркала над раковиной. Ну-ка, проинспектируем нашу красоту.

Кругла лицом она... И совсем не глупая.

Ямочки на месте...

Линию бровей надо бы подправить...

Может, нос все-таки чуть-чуть раскурносить? Сделать, как у Одри Хепбёрн, – точный, с еле заметным прогибом и округлой колумеллой. Сейчас заедет сестрица – не забыть посоветоваться. Профиль пусть посмотрит, анфас-то вполне... Анжелка – дока. И сама разбирается, и знает, кого можно подключить, если понадобится.

Легонько постукивая сомкнутыми указательным и средним пальцами под подбородком, Ника отступает к стене, чтобы лицезреть всю себя, и резюмирует беглую инспекцию: о'кей. Полновата, но не расплывчата, хоть и поднабрала вес. Олегу нравится...

«А если кошка зеленоглаза, то ей не будет ни в чем отказа...» – мурлычет она, пряча под косынку пружинистые рыжие завитки: нельзя, чтобы волосы попали в Уляшин ротик. Проверяет по блокноту, какой грудью кормить, моет правый сосок и голышом – обратно в спальню.

Когда крохотные дочки губки начинают сосредоточенно и ритмично всасывать молоко, распирающая боль отступает. Облегчение. И Ника, прижав туго запеленутый кулек, осторожно клонится на бок, закидывает правую руку за голову, ложится, а чтобы нечаянно не задремать – еще придавишь малютку! – начинает мысленно объясняться с собственной матушкой.

По-честному, сразу бы надо было ей сказать про переезд Олега.

Навсегда – ко мне. К нам...

Се-го-дня!

Ну нет, теперь уж пусть мать потерпит. А не надо было артачиться! С самого начала. Хм, компромат на Олежку она собрала... Ерунда там какая-то... Я и не вникала, ведь главное – он мне сам сказал, что окольцован. Никакой его вины! Не знал же, что меня встретит!

Ну и пусть: Олежек с дочкой олигарха только в загсе расписан, а со мной в церковь пойдет!

Так что зря ты раскошелывалась на слежку, моя бедная мамаша...

Правда, сейчас-то я ее понимаю: мне бы тоже не хотелось, чтоб Уляша, когда вырастет, полюбила женатого. Но второго такого, как Олег, не бывает.

Не может быть!

Только увидела его, высокого, широкоплечего... Из моря вышел мой Черномор и, хотя торопился на какие-то переговоры, подвернул к моему одинокому шезлонгу: «Красавица, тут у вас не занято?» Само небо посмотрело голубыми глазами... Бицепсы напряг, голосом приласкал – и сердце вскрикнуло: вот он! Словно в награду за то, что попала в универ московский. Не зря последние два года прокорпела над учебниками. Ни с кем не общалась. Да и невелика жертва: одноклассники все – такие лохи! С Олегом даже рядом не поставит...

Ну и родителям, конечно, спасибо: после вступительных пятерок по всем предметам купили квартиру в столице, послали отдышаться в Канны... Все по первому классу.

А Олег, он честный... За первым же романтичным ужином (лунная дорожка на море, шампанское в серебряном ведерке, цикады стрекочут) признался, опустив голову: «Мы со Светланой – чужие друг другу люди». Прижала бы к себе, да там народу столько... Зато ночью пожалела бедняжку по полной программе. Он бы давно развелся, но тесть... Слишком крутой, блин. И деньги какие-то немереные, тайные, и власть явная – нерядовой депутат от главной партии. Из мести всю карьеру ломает, а Олежек такой способный – многого может добиться...

Голова Ники дергается от негодования, косынка соскальзывает с волос, и Уляша причмокивает прядь, залезшую ей в рот. Ой! Вдруг волосок проглотит!

Ника вскидывает голову и пристанывает от боли: дочка не выпускает ни прядь, ни сосок. И то и другое приходится вырывать силой. Теперь хнычет Уляша.

Правильно, что парикмахершу вызвала на сегодня. Она такой мастер! Пусть меня коротко острижет, под мальчика. Волосы – не зубы, вырастут.

Ада... Ад... Муж эту Аду бросил... Детей хотел, а у нее никак не получалось. Что-то с ней, бедняжкой, стряслось в детстве. Тягостно, конечно, быть рядом со свежим горем, но таких, как она, время лечит.

А я? Я бы без Олежки сразу умерла!

Любуясь успокоившейся дочкой, Ника бегом назад, к своим мыслям. Как это угораздило Олега связаться с такими монстрами, с Бизяевыми этими! Семейка Аддамс отдыхает! Следили за зятем... И про меня узнали, и про нашу Уляшу. Развели, когда меня еще даже не тошнило и я только Олегу открылась да Анжелке по секрету сказала. Она же как родная сестра, хоть и троюродная...

И вот эта Светка, которая не детей хотела, а погулять как следует, вдруг тоже забеременела. Подпоила бедного Олежку и залетела... А когда родила, принялась мне угрожать. Сперва в трубку дышала... Она, больше некому. А вчера позвонила и, не называя себя, бабахнула прямо в ухо: «Знаешь, подружка, сколько стоит тебя заказать? Пустяк... и ты не дышишь!»

Я сразу догадалась, что это Светка. В первый момент таким ужасом пахнуло от этих слов, от ее ровной, заторможенной интонации... Кокаинистка проклятая!

Не должно быть, не может быть такого в моей жизни!

«Подруга»... Какая она мне подруга! Я ее и живьем-то ни разу не видела. Только в Интернете фотографии подсмотрела.

Стандартная блондинка. Еще и крашенная, скорей всего. А Олег рыжих любит!
Плоскогрудая селедка! А у меня и до кормления был четвертый размер.

Откуда у нее номер моего мобильного?

Почему в голову всякая дрянь лезет? Хватит, уже достаточно! Еще молоко пропадет!

Олег сегодня придет с работы, переоденется в домашнее, мы поужинаем с шампанским и клубникой... по-праздничному, как в настоящей семье... и тогда, мамочка, я тебя обрадую. И про Светкин звонок расскажу. Как я не испугалась! Ты удивишься, какая я смелая!

Ой, а куда Олежкину одежду пристроить? Чемоданы-то его уже вот-вот привезут... Нужно, чтобы ему сразу стало тут как дома! Вчера забыла домработнице сказать, придется теперь самой в шкафу пошуровать.

Вернув сонную дочь в кроватку, Ника отходит от нее не сразу – дожидается ровного, спокойного дыхания, крестит воздух над детской головкой и потом, кое-как запахнувшись в махровый халат, принимается за дело.

Жужжит домофон. От неожиданности она бежит к двери в обнимку со стопкой кофт. От Олега, наверное, приехали... А может, это Анжела... или парикмахерша...

Подбородком удерживая оживающую грудку одежды, Ника нажимает кнопку, не глядя на экранчик, приотворяет входную дверь и возвращается в спальню. По дороге полы халата расходятся, а длинный рукав красного кашемирового джемпера выпадает из груды и обвивается вокруг левой ноги. Как будто сигналист: стоп, остановись! Но Ника торопится проверить: дочку не разбудили?

Нет, глазки закрыты, только лобик сморщился... Приснилось что-то?

Из коридора доносится скрежет. Ключ дважды поворачивается в замке. Кто-то дверь изнутри закрывает? Зачем?

Может, это Олег? Сам решил привезти свои вещи!

А я же хотела причесаться-приодеться... Ерундой забивает она себе голову, чтобы заслониться от тревожного предчувствия.

Кто это так стучит по паркету? В сапогах, что ли, ввалились?

Чужие?

Сердце ухает куда-то вниз и не возвращается на место. Хочется схватить Уляшу и – в шкаф. Там как раз уже пусто, мы обе маленькие, поместимся...

– Хозяйка, ты где? – Незнакомый голос спрашивает так обыденно, что Ника краснеет за свою трусость.

Трясущимися руками она заводит одну полу халата за другую так, чтобы они полностью закрыли грудь, узлом завязывает пояс на располневшей талии и, словно забинтованная, выходит из спальни, без скрипа прикрыв за собой дверь. Улыбается через силу.

В столовой двое. Незнакомые парни.

Один посреди комнаты склонился над огромным клетчатым баулом, в каких челноки возят туда-сюда оптовые партии китайско-турецкого непотребия. Вынимает оттуда... один кирпич, второй, третий, кладет на ковер... Ой, надо будет завтра сказать Фаине, чтоб пропылесосила!

Другой...

Высокий, сильный, с развитым плечевым поясом. Красавчик. На Олега был бы похож, если б не глаза. Прозрачные, холодные. Спокойно извещают: убью.

Медленно подходит, раздвигает свои руки, а между ними – тонкий плетеный шнур. Шелковый. Белый.

Ноги сами, не спросившись, несут Нику в коридор. Рука поворачивает ключ в замке, раз, два... Плечо еще успеваешь толкнуть дверь на волю, но голова уже дает отбой бегству.

– Девочку не тронете? – шепотом спрашивает Ника метнувшегося за ней палача.

Тот кивает. И Ника почему-то верит бессловесному, беззвучному обещанию. Эта безумная вера совсем другая – так непохожа на ту, которая промелькнула, когда Олег клялся ей в любви, когда обещал бросить жену и даже когда он назначил день ухода из той семьи.

В успокаивающей тишине Ника прощается с утренним окном, боясь даже мысль свою посылать в сторону Уляши. Не навредить бы... Она покорно наклоняет голову, безропотно позволяет высокому нелюдю зайти ей за спину и накинуть на шею белоснежный шнурок. Вставать на колени не понадобилось: подчинившаяся и так ниже своего убийцы почти на полметра. Сумеречное сознание успевает услышать какой-то звонок, радостно встрепенуться: нас спасут...

2. Анжела

То же самое утро букой глядит на Никину кухню, сплюсшившую нос об окно своего флэта на Поварской. Предупреждает? О чем?

На сегодня вроде у Анжелы ничего проблемного не намечено. Дружок-женишок именно сейчас летит из Парижа в Нью-Йорк... На ключевую для его бизнеса экономическую тусовку. Будет пахать, чтобы подкадрить нужных партнеров... Такая сосредоточенность требуется... Все равно что сборы спортсменов перед Олимпиадой. Баб не берут. Киношная сказка про бизнесмена Ричарда Гири и красотку Джулию Робертс – конечно, лабуда. На серьезных переговорах точно не до блядок... Такая включенность в дело – все равно что мужской пояс верности... Насчет ревности можно расслабиться.

И по службе долгов нет – в родную газету написала все, что запланировано. Пару статей задолжала приبلудному глянцу, но это подождет. Придет время, и появится соответствующее настроение – тогда тексты рождаются мгновенно и естественно, без болезненных и чаще всего бессмысленных потуг. Всегда приходит.

Упруго потянувшись, Анжела все же присматривается к наступившему, запланированно-спокойному дню. Если прямо сейчас не прочикаюсь, то вовремя приеду к Нике. До явления парикмахерши успею всласть наговориться под сестрицын фирменный кофе. Сколько ни повторяла процедуру подготовки – ну никак не получается правильная крепость, тот же цвет и запах... Как бабуля говорила: пекла, кажись, пирожки, а вышли покрышки на горшки.

«Не оттуда у меня растут руки», – улыбается Анжела верной визави, представшей после ласкового душа в запотелом зеркале. Себя она не корит, а лукаво так подхваляет: мол, нам, интеллектуалкам, совсем не обязательно отличаться в домоводстве. Собирай информацию: кто лучше всех делает нужное тебе, где оптимальное соотношение цены, качества и приятности для общения – и зарабатывай деньги на топовых специалистах. Мне – только первоклассное!

Разведя руки и подняв их над головой, она самодовольно убеждается, что бицепс упирается в ключичную головку большой грудной мышцы как поднимающаяся морская волна... передний пучок дельтоидов увенчивает идеальную конструкцию, над которой они с тренером специально поработали.

Эх, ванная комната могла быть побольше, пар тогда бы не занавешивал зеркальную стенку. Но ничего, если впустить холодный воздух через щелку в двери, сдвинуться от мутного центра к незапотевшему краю, то вот она я – во всей рукотворной красе. Лишь макушка все еще попадает в затуманенную, не просматриваемую зону. Но бардак на голове – не беда: Никина стилистка приведет в порядок и кудри, и лицо. Говорят, офигенная мастерица эта Ада. Берет многовато... Вот и сэкономим благодаря кооперации с подружкой-родственницей. Двум за раз – скидка.

Да, Ника всем делится. Она и Катюха. Родственница и сокурсница. Целых две подруги. Не у каждой такое богатство...

Но Катюха Лавринец теперь далеко, в Испании со своим Мишкой, миниолигархом, а Ника, слава богу, здесь. Не баба – ангел во плоти.

Впрочем, что тут удивительного...

Вмиг срабатывает привычка анализировать всю информацию перед тем, как писать очередную статью, и хотя сейчас практической цели никакой нет, сознание Анжелы идет по проторенному пути, итожа Никину жизнь.

Единственная дочь упакованных областных функционеров, конвертировавших высокие советские посты в собственные супермаркеты. С детства была обхолена-облелеяна, не

то что я, бедная родственница. Правда, теперь-то мы сравнялись. Она на Кутузовском в бывшем правительственном доме, я – на Поварской напротив дома Ростовых. Квартиры одинаково просторные, только планировка разная: у меня столовая объединена с кухней, а у нее – отдельный камбуз, оборудованный всеми прибабасами для классной кулинарии.

Но другие, в обстоятельствах и покруче Никиных, – не люди, а звери. А она все в облаках добродушно витала, пока не забеременела от женатика. Любовь – первое, что добыла себе самостоятельно, без помощи родителей. Но родила – и вот-вот получит то, что хочет: Олег вроде как раз сегодня бросает свою наркошу и переезжает к ним. К Никусе с дочкой.

Потому и парикмахерша на дому – надо выглядеть на все сто!

И все-таки как нашей тихоне удалось захомутать этого плейбоя? Скандалов вроде не устраивала, не шантажировала и ультиматумов не ставила... Доброта, любовь, покорность все еще работают?

Да нет, скорее всего Никина матушка припугнула доморощенного Казанову. За спиной у балованной дочки. Но чем? Интересно, каким аргументом вдарила ему по темечку? Там расклад – не дай бог! Олегов законный, паспортный тесть – настоящий олигарх, с корнями во власти. Куда тетушке с ее подмосковными супермаркетами, пусть и несколькими! И тягаться не стоит.

Да и на Никусю законная Светка вчера надавила... Стерва! Никогда ее не видела, а почему-то ненавижу.

Ладно, поживем – увидим...

Анжела отгоняет от себя темноватое предчувствие, что ждать придется недолго...

Высочив из подъезда на крыльцо, она притормаживает: с неба ка-ак ливанет!.. Это почему-то злит. Рука нажимает на кнопку дистанционного ключа, и еле слышный из-за дождя писк извещает, что ее послушный «поршик» открыт для хозяйки.

Все-таки промокла! С волос капает, кофтенка прилипла к спине. Ой, а новые башмачки? С ними что? Неужели три сотни фунтов, отданные за них в лондонском «Либерти», не гарантируют стойкости перед непогодой?

Повернув ключ зажигания, Анжела снимает синюю туфельку с правой ноги и ощупывает ее. Снаружи, внутри... Вроде молодец, выстояла. Парой бумажных салфеток, которые всегда заначены в бардачке, она тщательно промокает дождевые капли.

Взгляд в широкоформатное зеркало не ободряет. Разворошенное ветром и дождем гнездо волос надо как-то закамуфлировать. В расхристанном виде нельзя светиться даже перед парикмахершей: не будет у той куража работать с такой кулемой. А уж о соседях по дороге и говорить нечего. Проверено: неприбранную обматерить могут, подрезать, гаишники придираются – сдерут даже за пятно на дверце. Но стоит причепуриться – почти все джентльменами становятся, лейтенантик как-то телефон попросил. Осмелился, преодолел стенку, которую почти автоматически выстраивает подсознание Анжелы при встрече с незнакомыми. Красавчик, цену себе знает...

Пара секунд, и темная шелковая лента, нашаренная в бардачке, перечеркивает высокий белый лоб. Присмиряет кучу растрепанных волос. Так получше. Вылитая Жюли Аделаида Рекамье, что висит в семьдесят пятом зале Лувра, слева от входа под потолком. Тот же вытянутый овал лица, волевые скулы, каряя глубина глаз...

На Садовом, конечно, пробка. Ничего, мы переулочками...

Увы, не одна я такая умная. И здесь уже забито, да еще машины, приткнутые к тротуарам с обеих сторон улицы, сужают проезжую часть. Яйца бы оторвать у того идиота, который застраивает город, не заботясь о гаражах и парковочных местах.

Надо Нику известить, что опаздываю. Кормящую мать лучше не волновать.

Тревога, которую в самых разных ситуациях удается загнать в стойло, вырывается наружу, когда номер кухни с тупым упрямством отвечает длинными гудками. Куда она

подевалась? Может, просто не слышит звонка? Например, сунула сумку с мобильником в шкаф, а сама в ванной... Или звук отключила, чтоб не разбудить малышку... Или...

«Не нагнетай!» – приказывает себе Анжела, но подчиниться добровольному приказу не получается. Мысли заносит в такую темную глубину, что от ужаса приходится вырваться в правый ряд и притормозить у обочины. Не гневи Бога ропотом, молись ему шепотом. Глаза зажмурены, голова склонена к рукам, до белизны сжатым в замок. Молитвенная поза останавливает трясучку.

Делай что можешь!

Еду...

С опозданием на полчаса, чертыхаясь, Анжела набирает на табло у подъездной двери номер Никушиной квартиры. Козырек маленький, ветер то и дело нагоняет струйки дождя на спину, за ворот.

Опять нет ответа. Эх, черт, а код-то не помню! Но я его вроде записывала... Надо в блокноте поискать.

Тут обнаруживается, что сумки в руках нет.

Выругавшись вслух, Анжела бежит назад, выщелкивает крышку бардачка, выуживает оттуда сумку, запускает руку в ее нутро: там блокнот, в нем Никиной рукой записан дверной код. Ну прямо как в сказке: на море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, в яйце...

Дрожащие пальцы то и дело срываются, не туда нажимают. Сброс набора, еще один... С третьего раза замок щелкает, и Анжела – в полутемном подъезде.

Вздрагивает от громкого стука захлопнувшейся за ней двери. Несколько ступенек вверх до лифта. Красный огонек и гул: занято. В нетерпении она делает шаг назад, в сторону лестницы: на третий этаж можно и пешком взобраться, но тут «блям!» – дверь лифта распахивается, и оттуда прямо на нее прет осанистая девица модельного роста с невидящим карим взглядом, с капельками пота на высоком лбу и над узкой верхней губой. Рот приоткрыт. Улыбается, но как-то странно. Не от счастья, а вроде от какого-то обрадовавшего ее события, открытия... Весь свет от ухмылки направлен внутрь ее, наружу ни лучика не просачивается... Раскраснелась, с тяжелым дыханием – как после секса.

Неожиданная встреча.

– Ада?! – вскрикивает Анжела, выпрямляя спину и высоко задирая голову. Чтобы ни в чем не уступать стройной незнакомке. Почему окликнула – не знает. Само вырвалось.

Та дергается и, даже не пытаясь сфокусировать взгляд на Анжеле, все так же сомнамбулически чешет к выходу. Приходится схватить ее за руку и придержать, чтоб очухалась. Но девица вырывается и угорело летит на улицу.

Ошиблась, наверное... Вряд ли это Никина парикмахерша. Может, любовница какого-нибудь папика, живущего в дорогом доме. Инкогнитость – условие ее содержания, вот и убежала, успокаивает себя Анжела.

Но в лифтовой кабинке ее донимает сандаловый запах. Не Никины ли духи, которыми та пометила ближайшее окружение? После рождения дочки раздарила любимые прежде квадратные флакончики: кормящие матери, мол, должны пахнуть молоком и чистотой.

3. Ада

Ада не слышит своего имени. Вырывает руку, почувствовав, что кто-то удерживает за рукав, и бежит вон из Никиного дома.

Что же так вздрючило-то?

Клиентки лишилась... Всего одной. Подумаешь!

Ника-земляника... Ну, щедрая была, ну, помогла квартиру снять, когда меня Витка из своего дома выставил, денег одолжила...

Задолбала, блин, своей заботой! Легко быть добренькой за чужой счет. Не свои ведь кровные мне давала. Мамаша ее отчета не требовала за каждую копейку, как моя!

Моя всегда жмотилась. Сколько бы ни собирали на школьные нужды – все ей было много... «Мы же беженцы, доченька, спроси у учительницы, не положены ли нам льготы какие...» А сама как-то умудрилась продать ташкентскую квартиру... По московским меркам, конечно, за гроши, но соседи-то, например, бежали, вообще все бросив. Хватило на хрущобную однушку в Жуковском. Так она еще и койку на кухне сдавала узбекским землякам, а когда были желающие – добавляла раскладушку в узком коридоре. И после того, как... Стоп, стоп!

Даже мысленно Ада боится вызвать тот детский ужас, после которого мамаша велела ночью в горшок писать, если приспичит, а не шляться нагишом по квартире.

Что же жилочки-то все так дрожат?

Где убийство – там полиция, а Аде хватило собственного мужа-участкового. Думала – стопроцентную надежность обеспечивает себе... Верила – уберезет от других стражей порядка... а он сам взял и кинул. Не посмотрел на то, что она заботилась о нем, никогда ни за что не пилила, пахала как проклятая, чтобы он мог закончить институт...

Выскочив из Никиного подъезда, Ада сдергивает парик. Беречь надо дорогую вещь – самая сильная фаза дождя грянула. Струи летят отвесно, сильно бьют по коротко остриженному темечку, хлещут по лицу, попадают в рот, будто стараются смыть оскомину от только что увиденного убийства.

Да нет, не надо! Вкус оскомины – это новое...

Ада плотно сжимает губы. Совсем же не хочется избавиться от того просверка, от бодрящего прострела, который она испытала, наблюдая в дверную щель, как из ее клиентки уходит жизнь. Не оторваться. И хочется, и колется. И стыдно, и сладко. Именно из-за стыдности сладко.

Стараясь удержать необычное возбуждение, она замедляет шаг, застегивает верхнюю пуговицу непромокаемого тренча и потуже завязывает пояс. Ливень, как плохая хозяйка перед приемом гостей, разогнал людской мусор по укромным углам да еще и занавесил сбившиеся кучки своими плотными струями. Освободил пространство. Даровал одиночество.

Наконец Ада догадывается достать зонтик, который отгораживает ее еще и от небесного вмешательства, и медленно идет по обезлюдевшему проспекту, не задумываясь, в какую сторону ей надо.

Это судьба... Это перст... На что он указывает? Как правильно понять?

Не случайно же так многое сошлось... Как раз, когда она набрала код Никиной квартиры, ухоженный старик с маслянистыми глазами и выпяченными губами, из тех, что мысленно трахают каждую мало-мальски пригодную особу женского пола (ненавижу!!!), выходил из подъезда и придержал дверь. В результате не пришлось ждать, пока клиентка подойдет к домофону и ответит на вызов. Хм, да она уже и не могла! А ведь позвони я – спугнула бы убийц и ничего бы не увидела... Но главное – я не сунулась внутрь, хоть и было незаперто. Что-то остановило! А если б ринулась туда, тоже убили бы.

Нет-нет, я не жертва! Я больше не жертва! Жертва – не я!
Куда телефон делся?

Чтобы освободить правую руку, Ада останавливается, пристраивает на левое плечо сперва длинные ручки кожаной сумки, потом сверху полотняные ремни холстинного баула с парикмахерскими причиндалами и начинает судорожно охлопывать карманы... Приходится сложить зонтик и под дождем рыться в сумке. Черт, кошелек выпал, бумажные носовые платки... Не вспомнив про номер телефона, который она впопыхах записала вчера на верхнем белом слое, Ада носком башмака отшвыривает промокшую пачку в сторону и наклоняется, чтобы поднять портмоне. Баул соскальзывает с плеча, но ей удается подхватить его за ремень и выдернуть из лужи. Уголок все-таки намок. Значит, можно о тряпичный бок вытереть заляпанный бумажник. Сумку все равно стирать.

Аккуратность приносит дивиденды. Постепенно, не сразу это дошло до ума. Да и как было понять – мать возвела в принцип свой затрапезный вид: глядишь, пожалуют нас, беженки.

Сколько раз Ада опускала глаза, напоровшись на брезгливую гримасу очередного чиновника. Мать по всем конторам таскала ее, с притворной ласковостью обзывая «моей сироткой». Все кругом в белоснежных кофточках, отглаженных брюках, на этом фоне даже на половые тряпки не сгодились бы их полинялые, выцветшие узбекские платья, купленные по принципу: за одно платишь – второе в подарок. Уборщицы в некоторых ведомствах побрезговали бы их одежкой – они там мыли пол яркими швабрами из толстых мягких канатов, которые отжимались специально придуманным механизмом, чтоб без наклона. Ну и просительниц чаще всего прогоняли – не в моде сейчас сердечность, а если где и выдавали нужную справку, ставили разрешительную подпись, то чтоб поскорее отделаться.

Лишь только Ада отделилась от матери – а она заработала на первую съемную комнату в шестнадцать лет, когда никакого Витьки еще и на горизонте не было, – так сразу стала одеваться на работу как в гости. Как на самое важное randevu. По наитию себя макияжила. А потом и по науке научилась цвета правильно сочетать, учитывая все – и юбку-кофту-туфли, и цвет волос, глаз, а главное – собственное сиюминутное настроение.

Потом и посетительницы салона стали просить: «Сделай, как у тебя...» И сразу начали приглашать домой, чтобы она частным образом их преображала. Всем выгоднее: экономные дамочки платят только половину, и я получаю в полтора раза больше, чем на службе. Может, вообще на чужую тетю скоро перестану пахать... Если только смерть не продолжит косить частных клиенток, усмехается Ада.

Поуспокоившись, она нашаривает в дебрях сумки свой навороченный мобильник, снова раскрывает зонтик и под его защитой просматривает на экранчике видеозапись, сделанную через щель в приоткрытой двери.

Дебилы! Убивали, даже не заперев дверь изнутри! Уж я бы так не лажанулась!

Вот с наклоненной головы Ники, как в оттепель снег с крыши, сползает нелепая белая косынка, румяные щеки медленно теряют цвет, выпученные глаза, взглянувшие в глазок видеоискателя, прямо на Аду, взрываются трещинками кровоизлияний, синяя вена на голой шее вздувается так, будто старается высвободиться из угасающего тела. Хочет выжить. Голова судорожно вскидывается и повисает на шнурке, который стягивают побелевшие от натуги крупные волосатые пальцы. На тыльной стороне руки-убийцы татуировка черепа.

Жизнь ушла. Вылетела, как птица из рук.

Ада старательно сохраняет уникальный видеоклип, прячет мобильник в потайной карман сумки, сворачивает зонтик и поднимает лицо к небу. Большая капля падает ей на лоб. Последняя. В открытые глаза бьет луч солнца, которое прямо на ее глазах победно выплывает из-за тучи.

4. Анжела

«Как медленно тащится здесь лифт!» – негодует тем временем Анжела. Даже короткую дорогу до третьего этажа невыносимо видеть собственное перекошенное лицо. Отвернувшись от зеркала, она пытается отгородиться от реальности. Вспоминает, как на прошлой неделе Ника ждала ее у окна с Уляшей на руках.

«Уф, хорошо, что ты проскочила, – обрадовалась тогда кузина. – А я уж беспокоилась... Вон проспект перекрывают – главный почти каждую субботу теперь обедает в здешнем трактире».

Вместе сфоткали пустую Кутузовку с кортежем из черных джипов, который, как стая ворон, разворачивается по встрече. Тут же загрузили в ЖЖ. Народ валом повалил, пост попал в «топ»... Что-то же надо делать с наглюющим беспределом! Уже привыкли, что в будни по Москве не проехать, так теперь и уикенд поганят. Может, и в сегодняшнюю субботу повезет... Не гонись за рядовичем, лови атамана. Ущучим власть!

Предвкушая добычу, Анжела ступает из лифта на площадку и в гулкой полутьме слышит непонятные звуки. Мягкие грузные шлепки... Настораживается. Как будто по лестнице волоком тащат что-то тяжелое... Журналистское и женское любопытство, а может, и охотничий инстинкт заставляют ее сбегать на пролет вниз, и она видит удаляющиеся спины двух долговязых качков с раздутым клетчатым баулом. Каждый держит сумку за одну ручку, не на весу, по полу тянут, и то им тяжело. Явно торопятся... Тогда чего бы лифта не дожидаться? Слышно же, что подъезжает...

Все наблюдения отлетают в самый дальний загашник сознания, когда Анжела нажимает кнопку звонка Никиной квартиры. Никто не отвечает. Она оглядывается и, не присматриваясь, снова тычет пальцем в кнопку. Длинный ноготь застревает в щелке и надламывается. Она нервно дергает обломок... ойкает: содрала с мясом. Громко дует на больное место. Но физическая боль слегка затушевывает страх.

Анжела опускается на корточки. Через крохотную замочную скважину на нее направлена темень прихожей. Ухо улавливает плач, на который там, в недрах квартиры, никто не отзывается.

Коленки снова начинают неподконтрольно вибрировать. Мелко-мелко так дрожат... Глоток кофе, уже обработанный желудочным соком, подступает к горлу. Кислоту хочется выплюнуть, но приходится сглотнуть эту гадость. Анжела рывком распрямляется и пробует побарабанить в дверь. Звук тонет в мягкой обивке. Она колотит по металлическому косяку, отбивает костяшки пальцев. Никакого толку.

Что?! Что стряслось?

В голове проблескивают жутковатые картинки типа лужи крови возле размозженной головы... Анжела старается их не рассматривать. Ладонью растирает затылок... Глубокий вдох и медленный выдох трясучку не прогоняют. Что еще есть от стресса? На тренинге советовали задавать себе вопросы.

«Будет ли случившееся волновать меня через месяц, год?»

Будет.

«Стоит ли это того, чтобы так переживать?»

Стоит.

Еще рекомендовали пробежку. Годик-другой побегать на манер Форреста Гампа... Это бы помогло, усмехается про себя Анжела.

Юмор взбадривает, и она понимает, что без помощи ей с ситуацией не справиться. К кому кинуться?! Не звонить же милому в небо... А ближе нет надежного мужского плеча. Порочная привычка сосредоточивать все свои надежды на одном... Да и тот, за кордоном,

скорее всего отмахнется... «Опять твои дурацкие предчувствия! Я сейчас занят!» Норов не клетка – не переставишь.

Тетку надо известить! Может, она что-то знает... Может, ничего страшного не случилось...

Вызвонив по мобильнику Никину маму, Анжела начинает разговор издали – изображает беззаботность:

– Привет, Лилечка! – по-домашнему называет она двоюродную тетку. – Как ты? Ника, случайно, не у тебя?

Но тревогу из голоса никуда не спрячешь. Лиля сразу улавливает, что дело швах. Но она – боец. Слишком боец. Одна за всю их семью. Ника всегда была уверена, что она за мать как за каменной стеной, и для отражения внешних атак ей самой не обязательно наращивать мускулатуру, всякую – мышечную, психологическую... С детства подбежит, шепнет мамочке на ушко – и больше никто ее не обидит, в то время как Анжелу ставили в угол даже за намек, а не только за саму жалобу на кого-нибудь. Да до сих пор Нике достаточно известить маму о препятствии, и оно исчезает. Причем Лиля никогда не пилит единственную дочь, не упрекает... Да и за что? Обычно Ника не требует ничего невозможного и беспрекословно следует ее советам. Один-единственный раз и взбрыкнула. Когда спуталась с Олегом...

Но сейчас... Лиля молчит пару секунд, сглатывает испуг и повторяет, как бы разгоняясь для прыжка:

– Уляша плачет?... Что? Ника не открывает?... Наверное, с сердцем плохо стало, – выдает она самую оптимальную версию.

Молодец Лиля! Ньюни никогда не распускает. Отчаяние парализует. В любой ситуации. А она всегда ищет малейшую, микроскопическую возможность хоть что-то поправить. Всегда, и теперь тоже. Отстраненно рассуждает вслух: ей минут сорок лететь из Жуковского. И то если повезет и пробок не будет.

– Уляша за это время может связки сорвать, захлебнуться слезами... раз Ника там никак не придет в себя. Эмчээсников ждать слишком долго... милицию я по дороге вызвоню... – издали слышится как будто совсем спокойный голос. Хлопает дверца, взывает двигатель. – Набирай Олега! У него есть ключ. – И, медленно проартикулировав длинный номер внучкиного отца, Лиля отключается.

Как только в памяти удержались все цифры? Но не напутала...

Потом, позже, когда этот ужас станет хоть совсем недавним, но все же прошлым, Анжела вспомнит, что вместо обычного «ал-ло», которое одновременно притягивает и обаяет, Никин любовник в ответ рыкнул короткое, напряженное «да!». И, не дослушав недлинный Анжелин рассказ, ужатый до телеграфного стиля заботой не накаркать беду, суетливо перебил резким: «Сейчас буду!»

Пытаясь настроиться на безвыходное долгое ожидание, Анжела снова наклоняется к замочной скважине. Та же пугающая темень. И новая тишина: Уляша вроде бы замолчала...

Не успевает Анжела разогнуться, как ее отталкивают. Оборачивается и натывается на Олега.

Уже приехал? Невдалеке, что ли, был?

Он ловко вскрывает дверь и, не окликая Нику, – бегом внутрь квартиры. Почему-то не в спальню, откуда сипло, еле слышно всхлипывает его дочь, а в гостиную.

– Ника, ты где?! Ника! – орет Анжела.

Плач становится громче... больше никто не отвечает... «Может и правда Никино сердце засбоило? – хватается Анжела за соломинку. – У меня тоже за грудиной болит. Самой бы тут не грохнуть!».

Она начинает поиск с ближайших помещений – заглядывает на кухню, распахивает дверь ванной комнаты... Пусто. Нереализованный пока материнский инстинкт ведет ее на детский плач.

С порога нос улавливает вонь, запах аммиака. «Ой!» – всхлипывает она, хватая чистую салфетку с пеленального стола и к кровати, где в ворохе развороченных пеленок вздрагивает голенькая Уляша. Вернув выпавшую соску в ее ротик, трясущейся рукой Анжела обтирает описанное и обкаканное тельце, оттопыривая свой пораненный палец. Потом заворачивает кроху в одеяло и, баюкая на ходу, несется со свертком в столовую. Еще надеясь, что самого страшного не случилось.

Странно... Ники тут нет... Никого нет... Кирпичи какие-то валяются...

А Олег-то где?

Рыская взглядом по комнате, Анжела с опаской переступает порог. В дальнем углу любовничек раком стоит за опрокинутым креслом.

Что-то ищет? Или от меня прячется? Глупо...

Олег дергает головой, оглядывается. Заметив Анжелу, начинает подвывать и, не поднимаясь с колен, на карачках ползет к выходу.

До чего ж нелепо! «А что он делал тут до моего появления?» – мелькает у Анжелы. Но Уляша начинает вторить стенающему папаше. Соска, укачивание, колыбельное «ля-ля-ля» не помогают. Человек явно хочет есть.

И расследовательская мысль обрубается. Ноги идут на кухню, а голова соображает, как накормить грудничка.

В холодильнике должно быть сцеженное молоко – Ника всегда держит свежее. Для няни. Чтобы та могла дать Уляше, если мама вдруг где задерживается.

О господи, тут икра черная, миска клубники, шампанское... Ника к встрече готовилась, прямо банкет затевала для единственного гостя...

Три бутылочки стоят на дверце холодильника. Шеренга на страже здоровья ребенка. Дожидаюсь, пока молоко согреется, Анжела покачивается с прижатой к груди Уляшей. Прислушивается.

Тишина. Полная, мертвецкая тишина.

А Олег?

В обмороке он, что ли? От горя? Может, все-таки не полный говнюк...

Капелька молока, выдавленная через соску на нежную кожу запястья, обжигает. Черт, перегрела, теперь надо остужать бутылочку...

Когда накормленная Уляша уже посапывает с закрытыми глазками, Анжела наконец ловит ухом скрип двери, узнает командирскую Лилину поступь.

Только бы не разбудила ребенка!

На цыпочках идет в прихожую, хмуро кивает головой прибывшей и, высвободив левую руку, прикладывает палец к губам: тише!

Взглянув на внучкино лицо, румяное, спокойно-сытое, Лиля сощуривается – улыбается глазами и морщинками, углубленными тяжелым предчувствием, – и показывает рукой в сторону спальни: мол, отнеси в кровать. Сама же, снова построжев, идет в столовую.

А Анжела нарочно задерживается возле детской кровати: нет сил снова переживать пропажу Ники, да еще в усиленном варианте, через увеличительное стекло Лиленного материнского горя. Чем бессмысленно надирать себя, лучше что-то полезное сделать. Ясно же, что бабушка заберет Уляшу к себе. Значит, надо собирать пеленки-распашонки... Тяжесть ответственности спала, и Анжела двигается и соображает медленно, словно во сне...

Полисмены, в форме и в цивильном, затопали в прихожей, когда Анжеле уже нечего было делать в детской – ребенок ухожен и спит, сумка уложена.